

Павел Гусев

ИСТОРИЙКИ

с 41-го года

Павел Павлович Гусев

Историйки с 41-го года

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28074151
SelfPub; 2017*

Аннотация

В рассказах описаны истории о жизни в тылу детей и стариков, о судьбах воинов и их матерей, о нелегкой судьбе солдат на фронте. Несмотря на описанные в них тяжелые военные годы, все рассказы написаны с особенной добротой, теплотой, искренностью и нежностью, которые уже не так часто встречаются в наше время. Книга будет интересна как взрослым, напоминая о прошлом, так и подрастающему поколению с целью формирования общечеловеческих ценностей и знаний истории страны.

Содержание

На войне и в тылу	6
Ладощка	6
Дорога	11
Фоторепортер	14
Ряса	23
Птичья ферма	27
Чемпион	32
Гаврош	37
Крепко взявшись за руки	43
Отличный пограничник	46
Конек-горбунок	51
Кукольник	59
Маленький солдат	62
«Ёлки-палки»	66
Самолет	69
История времен войны	72
Подруга журавушка	75
Память на всю жизнь	78
Фотография	83
Братья	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Гусев П.П.

Историйки с 41-го года

© П.Гусев, 2016

© «Издательство «Граница», 2016

*** * ***

На войне и в тылу

Ладощка

Николай гулял в парке со своей невестой. Она прижалась к нему, облокотилась на руку, и так они и шли, мечтая о дне своей свадьбы. Тут раздался громкий голос из репродуктора:

– Слушайте важное сообщение!

Они остановились, как и многие отдыхающие, встали возле радио – казалось, оно превратилось в зловещий большой черный раструб, из которого звучал тревожный голос. Народ застыл, услышав сообщение:

– Враг вероломно напал на нашу Родину. Встанем все, как один, на её защиту!

Все слушатели возбужденно стали обсуждать нагрянувшие события, а Николай с невестой Катей пошли домой.

Мать уже ждала их возле крыльца, где также столпились остальные жильцы, кто со злобным, кто с растерянным видом, обсуждая страшные известия.

– Сынок, что же теперь будет? – спросила она, ожидая от

него успокоительный ответ.

Сын только пожал плечами и тихо ответил:

– Не знаю, мама.

Катя молчала, а потом сказала:

– Пойду успокою своих родителей, наверное, тоже волну-
ются.

И в этот момент подъехала машина, из нее вышел воен-
ный в фуражке, сдвинутой на затылок, весь в поту. Подошел,
представился перед всем народом и спросил:

– Есть тут кто из двенадцатой квартиры?

Николай молча выдвинулся из толпы. Ему вручили по-
вестку. В ней было четко написано, что завтра в девять часов
он должен прибыть в указанное место и взять с собой теплую
одежду, кружку и ложку.

Мать и невестка охнули. Катя справилась с волнением и
заявила:

– Коля, я сегодня останусь с тобой, а утром провожу тебя.
Ты меня только не гони домой. Я так решила!

Вечером они вдвоем собрали вещи, указанные в повестке,
и сложили их в вещмешок. Затем взяли из серванта бутылку
сухого вина, пару яблок и удалились в спальню.

Мать слышала взволнованный и сбивчивый голос Кати:

– Ну и что, Коленька, что мы не расписались, зато буду
знать – я твоя самая родненькая. И буду ждать, пока не вер-
нешься.

Утром они встали с синевой под глазами (так как не спали

всю ночь), но счастливые и в обнимку вышли во двор. Мать Колю перекрестила и поцеловала. У всех провожавших лица посуровели. Они понимали, что на войне может произойти все. Оттуда, бывает, и не возвращаются.

Катя, провожая Николая, всю дорогу твердила:

– Береги себя! Обо мне с мамой не беспокойся, только себя береги!

Возле собравшихся призывников они долго целовались, пока не послышалась команда офицера:

– По-о машина-ам!

Николай влез в кузов, и последнее, что она увидела, как он через пелену серой пыли махал ей рукой.

Первое письмо от него пришло быстро, через десять дней. Он писал: «Я осваиваю курсы молодого бойца, затем начну учиться на командира отделения. Придется отвечать за каждого солдата. У меня все хорошо, не волнуйтесь. Целую, Коля».

Через месяц Катя почувствовала, что беременна, и написала ему:

«Коля, у нас будет ребеночек, не знаю – девочка или мальчик. Я очень рада, что появится наша кровинушка».

Он ответил ей, будучи уже на фронте, участвуя в боях с врагом: «Дорогая женушка, как родится малыш, пришли мне на листочке его обрисованную ладошку». И опять заканчивал письмо: «У меня все хорошо, не волнуйтесь. Целую, Коля».

Прошло время, и Николай получил конверт, а в нем листочек с нарисованной маленькой ладошкой. В письме было сообщение, что родилась девочка. Он приложил рисунок к губам, ему показалось, что ладошка теплая, нежная и согревает его, и он долго ее так держал.

Солдаты смеялись – за сержанта радовались. Ни у кого из них во время войны дитё не появилось, а у него вот есть.

Николай листочек с ладошкой положил в нагрудный карман гимнастерки, а когда душа домой просилась, вытаскивал её, смотрел и нежно поглаживал.

Бои шли тяжелые, и многие однополчане из его отделения оказались в госпитале. Николай жалел молодое пополнение прибывших необстрелянных солдат и старался им помочь, всегда сам первым шел в бой. Ему казалось, что так он их от пуль уберегает, а его они, проклятые, обходили стороной. Солдаты над ним шутили:

– Это, товарищ сержант, вас ладошка дочки от беды оберегает.

А он, гордый за дочку, отвечал:

– Точно-о та-ак! – и писал жене и маме, что у него на службе все хорошо и чтобы они не волновались.

Однажды его часть пошла в штыковую атаку. Он, как всегда, впереди. Плацдарм был отбит. Враг отступил. Но тут неожиданно грянул взрыв упавшего снаряда. Некоторых бойцов ранило, а кто-то и погиб. Санитары выносили с поля боя красноармейцев, черных от копоти, облепленных кро-

вавой землей, и отправляли в лазарет – кого лечить, а кого на опознание. Одного сержанта они сразу узнали по обнаруженному у него листочку с рисунком ладошки в нагрудном кармане гимнастерки. Многие служившие слышали о нем.

В этот день после боя почтальон принес в стрелковое отделение толстое письмо, исписанное радостными словами: «Коленька, наша дочка подросла. Мама говорит – вылитая ты, когда был маленьким. Посылаем тебе еще одну ладошку – размером она больше, чем предыдущая».

И все солдаты, кто еще не видел листочек, хотели посмотреть и потрогать обрисованную там ладошку.

Дорога

Война нагрянула неожиданно.

Лейтенанту Лагутину было приказано срочно сформировать из курсантов пограничной школы взвод и своим ходом добираться до места назначения. Ночью с полным боевым комплектом они тронулись в путь. Уже стало рассветать, когда дошли до хутора. Ни пения петухов, ни лаяния собак не было слышно, даже птицы и те куда-то подевались. Серые хаты были глухо закрыты ставнями, и во дворах не было ни одной живой души. На поле виднелась огромная куча саженцев и готовые вырытые ямки для посадки. «Люди, видно, спешили уйти и не закончили работу», – подумал Лагутин.

Он дал команду взводу:

– Всем пятнадцать минут отдыха!

Солдаты, где стояли, там же и улеглись, а Лагутин пошел посмотреть, какого дерева саженцы, и увидел уже засыхающие яблоньки: день-два – и совсем пропадут. Лагутин постоял минуту в раздумье, затем взял небольшое деревце, лежавшую рядом лопату и закопал деревце в лунку, а затем и следующие посадил.

Солдаты, увидев это, по одному стали подходить к саженцам и сажать их в приготовленные ямки. Скоро весь взвод участвовал в этом мероприятии, и вся куча хилых яблонек была посажена. На все уговоры лейтенанта «отдыхать»

солдаты отшучивались: «Мы не устали!» Пятнадцать минут прошли, и Лагутин дал команду:

– Строиться! Шагом марш!

Солдаты шли и оглядывались на посаженные саженцы. А они колыхались от ветра, будто говоря «до встречи!»

Четыре года Лагутин со своим взводом был на фронте и скоро стал командовать более крупной частью. По счастливой случайности, все бывшие курсанты служили с ним – их прозвали «лагутинцы». Они достойно сражались с врагом, многие были представлены к правительственным наградам и званиям. Но были и раненые, и погибшие.

Пришел долгожданный день Победы! Враг был уничтожен. Усталым, невыспавшимся солдатам зачитали указ о демобилизации, а кому-то о продолжении учебы в военной академии. Лагутин, ставший полковником, получил приказ довести демобилизованных солдат на машинах до города. Все они с радостными лицами и с бурно бьющимися от счастья сердцами запрыгали по машинам и, словно не было никакой усталости, дружно закричали:

– Домой! Домой! Поехали!

Путь был неблизкий, и они долго тряслись на машинах. Проезжая мимо одного хутора, Лагутин заметил до боли знакомое поле и хаты, только сейчас они были побелены, а на поле цвели яблоньки, словно усыпанные большими снежинками.

– Так это же те яблоньки, которые мы с солдатами сажа-

ли! – воскликнул Лагутин и добавил с восхищением: – Все до единой выросли!

– Стой! Стой! – закричал он водителю, тот в недоумении остановился. Полковник выпрыгнул из машины, подбежал к яблоньке, счастливо прижался к ней и погладил листочек. Ему показалось, что и другие деревца хотят, чтобы он подошел к ним, и он стал подряд обнимать их все – за себя и за тех солдат, которые их сажали и не вернулись, так и не увидев красоту жизни.

Остальные солдаты тоже подбежали к яблонькам, старались потрогать каждую из них и вспоминали тот страшный день начала войны. А яблоньки, словно почувствовав тех солдат, которые дали им возможность расти и цвести, в благодарность засыпали их белыми бархатистыми лепестками.

Навстречу солдатам бежали хуторяне с хлебом-солью, радостно кричали:

– Угощайтесь, родные! Наши освободители! Побудьте с нами!

– Спасибо! Нам надо домой! – отвечали солдаты.

– Мы вас не отпустим, пока не отведаете в благодарность нашего крестьянского обеда с горилкой!

Лагутин и солдаты поняли, что их ждут не только дома, а весь народ.

И полковник дал команду:

– Всем отдыхать!

Фоторепортер

Игорь учился на первом курсе института кинематографии на оператора, когда неожиданно нагрянула Великая Отечественная война.

В институте временно прекратили занятия, говорили: «Война ненадолго!» Аудитории пустовали. Стояла пугающая тишина. Она была повсюду: на улице, во дворе. Даже чириканья воробьев не было слышно.

Многие студенты отправились на сборный пункт, чтобы пойти добровольцами на фронт, и Игорь пошел с ними. Он был небольшого роста, но физически очень развит. Никто из его однокурсников не мог с ним потягаться в спортзале, взобраться на высокий шест. Его фигуру подводило только плечо: правое было выше левого из-за врожденного искривления позвоночника. Но ему это не мешало в жизни.

Медицинская комиссия проверила его здоровье и отказала – негоден к военной службе. Он огорчился, но каждый день продолжал настырно ходить на сборный пункт. И однажды, потеряв уже всякую надежду из-за очередного отказа, услышал из комиссии начальственный голос:

– А ты хорошо владеешь лейкой?

– Да! – ответил он. – Это моя специальность, настоящая и будущая.

– Берем тебя фоторепортером!

На следующий день Игорь с вещмешком, где была кружка, ложка, теплые носки, свитер и полбуханки хлеба, собранные по указанию майора, прибыл на место назначенного сбора. Там уже была группа добровольцев такого же возраста, как и он, с провожающими родителями и девушками.

Прощаться долго не пришлось. Подъехала открытая машина с лавочками, и, не заглушая мотора, всех новобранцев посадили в кузов. Игорь поцеловал плачущую мать, и машина рванула по пыльной дороге.

Их привезли на курсы молодого бойца. Игорь получил солдатское обмундирование, приступил к изучению военного дела и стал фотографировать будни новобранцев.

Снимки были хорошие, но глаза у всех солдат были застывшие и смотрели куда-то вдаль со злой искоркой, будто видели кого-то там и сильно ненавидели. «Это все от нагрывшей войны», – решил он.

Однажды вечером, только все курсанты улеглись под отбой спать, как их срочно подняли. И в форме, при боевом снаряжении: винтовка с патронами, котелок, фляжка, – погрузили в вагоны поезда и отправили.

Поезд остановился только на рассвете, тяжело пыхтя, под гул далекой кананады. Солдат построили в колонну, и они быстрым шагом, почти бегом устремились туда, где был слышен грохот разрывающихся снарядов.

Бой затих только тогда, когда они прибыли в место расположения части. Всех солдат распределили по ячейкам в

траншеях и в окопах. Серый туман с дымом расстилался вокруг, но было видно, что земля перевернута, словно ее распахали плугом, деревянные траншеи обуглены и заляпаны засохшей глиной. Бруствер местами был срезан, видно, от мощного взрыва. Пахло горьким порохом. Лица бойцов, участвующих в сражении, были грязные от копоти, из-под их касок стекал черный пот. С огромными горящими глазами они скручивали из газетной бумаги сигарку за сигаркой и глубоко вдыхали табачный дым.

Солнце пробило в небе темную пелену и ярко осветило все вокруг. Игорь стал быстро фотографировать все, что хотелось ему запечатлеть.

Вдалеке от траншеи раздался взрыв, видно, враг пристреливался, ожидая ответный выстрел, чтобы узнать расположение нашей позиции. Но орудия молчали, готовясь обескуражить своей неожиданностью. Враг периодически стрелял и стрелял. Один из снарядов взорвался недалеко от бруствера. Это было пустячком для солдат, и никто на это не обратил внимания.

А вот Игорю не повезло: не то камень, не то осколок от снаряда угодил в объектив. Он проверил лейку – пленка была в целостности, а сам фотоаппарат пришел в негодность. Лейка числилась на балансе института, ему дали ее, сказав: «До скорой победы над врагом, вернешь со снимками». От увиденного Игорь расстроился и осел в окоп. Вид у него был такой несчастный, что рядом стоявший солдат кинулся ему

на помощь. К этому времени выстрелы с вражеской позиции прекратились, будто они добились своего – уничтожили фотоаппарат и замолчали.

И тут раздался голос. Это был командир полка, проверяющий готовность к атаке.

– Что случилось, солдат?

Игорь вскочил:

– Лейку разбил!

– С завтрашнего дня станешь проходить службу в интендантском подразделении.

У Игоря было такое лицо, словно с ним случилось самое большое несчастье. Послышался смех. За спиной командующего стоял в пехотной накидке и в головном уборе пограничника, но неизвестно, в каком звании, военный и изучающе весело смотрел на Игоря:

– Вот что скажу тебе, солдат, – начал он, потом немножко помолчал и продолжил: – Мне нужен хороший фотограф. Специалист. Я дам тебе трофейную лейку и в ночь пойдем в логово врага. Покажешь себя, на что способен. А сейчас иди спать!

Игорь был так рад этому предложению, что готов был хоть сейчас пойти с этим спасителем. А пограничник повторил:

– Иди отдыхать!

Он спал крепко, а когда его разбудили, быстро оделся и, увидев перед собой знакомого военного, услышал:

– Я майор Серьгин, нам предстоит обнаружить оборони-

тельную систему неприятеля и запечатлеть ее на пленку. Вот тебе лейка.

Игорь тщательно осмотрел фотоаппарат: был он в хорошем состоянии. Пощелкал на разные метражи, привыкая к нему, зарядил пленку и еще парочку запасных положил в карман.

Серьгин вместо винтовки дал Игорю пистолет и помог закрепить его к ремню, приговаривая:

– Самое грозное оружие твое – это лейка! – и похлопал со всех сторон, чтобы на нем ничего не стучало и не шелестело.

Затем накинул на себя автомат, прикрепил к поясу дополнительный диск с патронами и гранату. Вдвоем они перелезли через бруствер и скрылись в темноте.

Серьгин шел уверенно и бесшумно, кружась по оврагам, порою казалось, что они даже удаляются от позиции врага. Игорь старался повторять движения напарника и, может быть, от напряжения или от необычных движений немного устал.

«И как это Серьгин так уверенно идет в такой темноте и знает куда?» – размышлял Игорь.

Майор, словно угадав его мысли, тихо проговорил:

– Давай передохнем, до фашистов нам осталось уже недалеко. Мы их со стороны обошли. Я тут каждый бугорок знаю, рос в этих местах, по грибы и по ягоды ходил. А то, что я пограничник, так это меня специально вызвали провести тут разведку.

Первые лучи солнца скользнули по земле, когда они оказались среди густых сухих кустарников и залегли там. Местность перед ними была ровная, с редкими кустарниками, только неподалеку росла высокая, не в обхват ель, гладкая до самого верха, без веток, лишь на самой ее макушке зеленела густая игольчатая шапка. Вдалеке было заметно передвижение фрицев, слышался гул техники, кое-где виднелись огромные насыпи земли, укрывавшие орудия. Серое облако, висевшее в небе, немного отнесло ветром, и солнце хорошо осветило местность, казалось, оно помогает им обнаружить врага.

Игорь защелкал лейкой как заводной, ища нужные объекты, но многое ему было непонятно. Азарт съемки его захватил, и он рванул к дереву.

– Назад! – громко прошипел на него Серьгин. Но Игорь уже взбирался на ель, держа лейку в зубах.

Это произошло быстро, он вмиг оказался на макушке в зеленой шапке дерева и, засев там, защелкал фотоаппаратом.

«Лишь бы только его не засекали, – переживал Серьгин». И в этот момент неподалеку взорвался снаряд, казалось, стреляли наугад, на проверку, не веря, что человек может взобраться по голому стволу до самой макушки.

«Видимо, учуяли фрицы что-то и проверяют», – решил он.

В этот момент прибежал запыхавшийся Игорь, и они от куста к кусту заторопились к оврагу. Грянул второй взрыв.

Он, наверное, бабахнул на всякий случай, но осколок от снаряда прошелся выше голенища сапога майора, и нога закровоточила. Игорь оторвал длинный лоскут от гимнастерки и перевязал ему ногу. Серьгин уперся на подставленное плечо, и они продолжили путь к своим.

– Что-то нам везет на шальные осколки, – вздохнул Игорь, идя под тяжестью облокаотившегося на него майора.

– А была бы не шальная, мы с тобой уже и не говорили бы, – улыбнулся Серьгин.

Снимки, что они доставили в полк, оказались ценнейшим материалом, особенно выполненные с дерева. Ранение же у майора было незначительное, и, казалось, он не замечал его вовсе. Довольный, он похвалил Игоря:

– Молодец, спасибо тебе за смекалку и смелость! С сегодняшнего дня лейка твоя!

А тот, смеясь, ответил:

– И вам спасибо, товарищ майор. Вы, пока мы добрались до своих, так надавили на мое плечо, что я аж выпрямился... – и он притворно выгнулся, чтобы показать, каким бы он мог быть...

В этот день фашистам не дали опомниться. По ним нанесли прицельный удар из всех орудий. Враг не ожидал этого и отступил.

Но война еще продолжалась. Игорь делал снимки под рубрикой «Солдат на войне». От всех его фотографий по-прежнему веяло грустью. Бойцы от долгой войны скучали по ро-

дителям, по женам, их лица стали суровыми, выражая желание скорее покончить с напавшим на родину врагом.

Фон на снимках был всегда серый, даже страшный: виднелись разрушенные дома, березки, разбитые в щепки, взрывы бомб, разметавшие все вокруг, черный зловещий дым. Обугленные траншеи, казалось, тянулись до бесконечности с находившимися там начеку красноармейцами с оружием в руках.

– И что у тебя все снимки с печалью? – спрашивал Серьгин Игоря, хотя и сам понимал: в такое время лучше не получится.

– Я так вижу и чувствую, – ответил он.

Они подружились, и им не раз еще приходилось ходить в разведку вместе. Вскоре Серьгина отозвали в свой погранотряд, но даже на разных фронтах они не теряли связи друг с другом.

Через четыре года война закончилась. С фашистской Германией было покончено. Началась мирная жизнь. Игорь закончил первый курс института кинематографии.

В один из дней, в канун праздника Победы над врагом, к нему нагрянул Серьгин – уже полковник, направленный на учебу в военную академию. Они по-мужски обнялись, и тут Серьгин увидел множество фотографий, аккуратно обрамленных в рамки, висевших на стенах по всей его квартире. Возле снимков времен войны, серых и даже страшных, висели фотографии из сегодняшней жизни, но с тех же мест,

где в прошлом шли бои.

Возле разрушенного сгоревшего дома с расщепленными березками находился снимок нового бревенчатого дома, казалось, от него пахло свежей смолой и окружающими пушистыми зелеными березками.

А рядом с фотографией, где были обугленные траншеи с засохшей, черной от копоти глины и уставшими лицами бойцов, находилась красивая фотография, где был цветущий парк с отдыхающими и улыбающимися посетителями. Даже не верилось, что когда-то там шли бои.

Фотография пушки, что палила и сеяла смерть из своего жерла, висела рядом со снимком, где она одиноко стояла в Музее вооруженных сил рядом с красным знаменем, сложенным над надписью: «Вечная память погибшим в войне».

– Да-а! – протянул полковник. – Вижу, появились у тебя радостные снимки. Но грусть прежних останется на всю жизнь!

Ряса

– Послушай историю вот этого лоскутка, – сказал мне друг, генерал в отставке, показывая небольшую тряпицу.

Война началась. Меня, двенадцатилетнего мальчика, эвакуировали подальше от фронта, туда, где жила моя тетя. Папу отправили на военные сборы, а маму оставили в городе, как певицу в хоре.

Тетушка встретила меня на вокзале возгласом:

– Петенька! Какое несчастье! Война! Ну, с Богом проживем.

Дома она меня вымыла, подстригла и что-то стала перешивать мне из вещей мужа. Тетя была портнихой, а с начала войны стала работать на фабрике, шить обмундирование для солдат. Муж ее, военный, уже воевал с врагом на границе. Меня устроили в школу, в пятый класс, и я стал готовиться к учебе. Уже ближе к зиме тетушка посмотрела на мою одежду и ахнула:

– Петенька, у тебя к зиме пальто-то нет!

Она засуетилась, открыла сундук и достала с самого дна дедушкину рясу (дедушка был протоиерей), долго на нее смотрела, казалось, вот-вот расплачется. Потом расстелила ее на столе, мелом начертила, вырезала ножницами детали и стала шить. Днем была на работе, а вечером строчила на машинке дома.

К этому времени погода изменилась, стало холодно, я простудился и сильно закашлял.

Пальто было готово, я померил его, оно было пошито в самый раз по мне.

– С Богом, носи его, внучек. – вздохнув, сказала она. – Дедушку-то твоего в Казахстан выслали, как попа. Ряса ему уже не понадобится.

С тех пор, как только я надел его, кашлять перестал, не заболел никакой хворью и всю зиму проносил. Только быстро стал расти, и к концу зимы руки далеко вылезли из рукавов. Приходилось выше натягивать рукавицы, но защитить кисть от холода они не могли.

Печь в доме была металлическая, называлась «буржуйка». Дрова я носил за пять километров – от завода, где были ящики от снарядов, целые и битые, их разрешали брать.

Однажды, собирая дощечки, я услышал над собой гул – высоко в небе летел, словно маленькая птичка, самолет. И вдруг послышался сильный свист – и меня подняло. Грохота я не слышал, пришел в себя, смотрю, ни одного ящика нет, все куда-то разметало, одно чистое поле, а пальто мое словно решето, все в дырочках и лохмотьях. Подбежали тут рабочие с завода, один с испугом спрашивает:

– Сынок, ты в порядке?

– Да, – говорю, а у самого голова звенит.

– Кто-то тебя оберегает! – поднял он меня, потом взглянул внимательно и спрашивает: – Сколько тебе лет?

– Двенадцать.

– Вот что, завтра приходи, у нас при заводе есть школа фабрично-заводского обучения. Будешь учиться по специальности, оденем тебя и питанием обеспечим.

Рассказал я все это тетушке. Она одобрила, и со следующего дня я пошел на завод. Дали мне шинель и форму фэз-эушника. Свое пальто я снял – чинить его было бесполезно. Да и у меня теперь была шинель. Я отрезал от пальто только лоскуток и положил его в нагрудный карман гимнастерки. На заводе мне под ноги сделали высокий настил, чтобы я дотянулся до тисков, и стали обучать, как обращаться с зубилом, молотком и напильником, стесывая металлические заусенцы с деталей. В начале учебы молоток по зубилу не попадал, а ударял по руке, оставляя маленькие шрамы. Многие ребята, мои ровесники, сильно уставали, и их отпускали домой на денек, а я вроде бы ничего – терпел. Мастер подойдет ко мне, взъерошит волосы и скажет:

– Бережет тебя кто-то, бережет!

Я-то знал, кто! Это лоскуток от дедушкиной рясы.

Папа пришел на побывку на десять дней из госпиталя. Рассказал он, что мама на фронте, они солдатам поют в лазаретах, на привалах, от тягости войны отвлекая. Смотря на отца, я заметил, что он говорит, а сам то и дело за бок держится, видно, от недавнего ранения еще не отошел. Я достал лоскуток от дедушкиной рясы и протянул ему.

– Вот – это тебе на здоровье.

Папа удивленно посмотрел на меня, а тетушка помогла настоять:

– Бери, бери его, братец, и носи, тебе еще воевать, а с этим лоскутком враз полегчает. Как окрепнешь, сыну обратно отдашь. У него жизнь еще впереди.

После войны отец прожил очень долго и умер от старости, в тот день дедушку амнистировали.

Генерал, рассказав это, вздохнул и положил лоскуток в карман кителя.

Птичья ферма

Шла Великая Отечественная война. В подразделение разведчиков пришла посылка с тыла. В ней оказались кисеты для махорки, носки и большая эмалированная кружка. Носки и кисеты быстро разобрали, а кружку никто не взял: у всех своя есть, алюминиевая. И тут подошел сержант Гускин, повертел ее со всех сторон, перевернул вверх дном и увидел выгравированную надпись: «Желаю победить врага и вернуться домой невредимым» – ниже был адрес, фамилия и имя «Гусева Саша».

– Надо же такому случиться! – удивился сержант. – Меня зовут Саша и ее тоже, и фамилии почти одинаковые.

И он показал надпись на кружке всем однополчанам. Они посмотрели и громко захохотали:

– В наш полк еще одна птичка прибыла!

И правда, в их разведывательной группе из бывших пограничников все военнослужащие были с птичьими фамилиями: Уткин, Курицын, Куропаткин и другие.

– Пиши, Гускин, своей Гусыне письмо с благодарностью, – весело заявили они.

И он под озорные шутки друзей стал писать: как его величают, как воюет, и что хотел бы получить от нее обратную весточку. И только он сложил конверт треугольником, вошел командир и громко прочеканил:

– Птички! – так он говорил всегда, когда назревали серьезные дела. – Всем подготовиться. Срочно надо взять в плен немецкого языка.

Через несколько минут все были в полной боевой готовности для вылазки в логово врага. Гускин нацепил на себя и кружку, на всякий случай.

Вышли они в начале дня. Командир то и дело поглядывал на карту, выбирал путь. Пробирались они скрытно – через овраги, кусты, леса. В воздухе стояла духота – вот уже несколько дней была жаркая, сухая погода. С деревьев падали желтые высушенные листья, будто наступила осень. Разведчики прошли несколько километров, прикладываясь к фляжкам с водой. Незаметно дошли до передовой неприятеля, там в несколько эшелонов были траншеи и вряд ли можно было удачно взять немца. Тогда командир решил пойти вдоль укреплений ближе к тылу врага. Он оглядел всех бойцов и приказал:

– Все, что может гроыхать, – оставить здесь. И Гускин повесил аккуратно кружку на ветку.

Стало темнеть. Всю ночь они пробирались через чащобу с колючими ветками и вышли на гул моторов. Залегли неподалеку. Рассвет наступил неожиданно, и перед ними показалась армада военной техники: танки и самоходки, охраняемые часовыми.

– Будем ждать кого-то повыше рангом, – прошептал командир.

Духота усугубилась, воды во фляжках не осталось ни капли. А там, откуда они пришли, слышался гром, сверкала молния, шел дождь, и это еще сильнее вызывало жажду. Только к закату солнца прибыли машины и привезли водителей техники. Некоторые фрицы углубились в лес по нужде. И тут разведчики бесшумно схватили одного офицера и быстро стали удаляться.

Пить хотелось отчаянно, рот пересох, губы одеревенели. К концу дня добрались до места, где прошла гроза и где Гускин оставил кружку. И какое было у всех счастье, когда обнаружили ее полной дождевой водой.

– Ну, сержант, – смеялись разведчики, – угодила нам твоя Гусыня.

Выпили все по глотку, и этого было достаточно, чтобы подбодриться.

Гускин опять нацепил на себя кружку, и только они повели задержанного фрица, как рядом послышалась немецкая речь. Видно, враг осмелел, находясь недалеко от своих позиций. Их было трое, они подмышки волокли своего раненого с пистолетом в руке, а впереди них брел красноармеец с катушкой кабеля на спине, видно, наш пленный связист.

Немного пропустив немцев вперед, так чтоб они оказались в окружении, разведчики разом крикнули: «Руки вверх!» Тот, что пистолет держал, успел выстрелить, и пуля угодила Гускину в бедро. Остальные фашисты даже снять автоматы с плеч не успели.

Опять сержанта выручила кружка. Пуля пробила ее, и он получил совсем незначительное ранение, продолжая идти своим ходом.

Связисту передали оружие, чтобы он со всеми остальными конвоировал взятых языков. В полку четыре фрица дали ценные данные о дислокации своей армии.

Война еще долго продолжалась. Кружка у Гускина была непригодна для использования, но он по-прежнему носил ее с собой. Друзья говорили:

– Кружка Гусыни его от вражеских пуль оберегает!

С Гусевой Сашей они продолжали переписываться, она подарила ему свою фотографию. Он носил ее в нагрудном кармане возле сердца. Они договорились, что после окончания войны обязательно встретятся.

И этот долгожданный день настал. Враг был повергнут, и группу разведчиков демобилизовали.

– Друзья мои, птички, – сказал на прощание командир. – Наступило время расставания, мы разлетаемся кто куда по разным республикам. Но давайте договоримся: как только у кого появится птенчик, будем встречаться.

Прошел год, у Гускина родился сын, он оповестил всех однополчан – и все собрались, как и договаривались. Командир, а он и в гражданке был им начальник, оглядел всех присутствующих за столом «птиц», потом посмотрел на своего малыша-птенчика, улюлюкающего и играющего с эмалированной кружкой, и произнес:

– Так вот, друзья мои. Наша «птичья ферма» начала размножаться, и я надеюсь, что вы поддержите этот почин. Постарайтесь плодиться и размножаться. Это я вам приказываю, ваш бывший майор Цапля.

В детской коляске малыш сказал:

– Угу! Угу!

Чемпион

Если бы проходили соревнования по метанию булыжника на точность, то Дима, наверняка, был бы в свои двенадцать лет чемпионом. Он всегда с первого броска точно попадал в цель. Для этого он подбирал камни, которые удобно держать в руке, и всегда, на всякий случай, носил несколько в кармане штанов, если вдруг кто-то из ребят захочет с ним посоревноваться.

Вот и на этот раз он выиграл состязание у своих дворовых товарищей – разбил фонарь, который не горел несколько месяцев. Все играющие разбежались, а его отвели к председателю села. И только стали Диму ругать за недостойное поведение, как неожиданно грянул взрыв, и это повторилось несколько раз. Все вокруг вздрогнуло, задрожало, и небо заволокло черным дымом с гарью.

Это началась Великая Отечественная война.

Дима жил недалеко от границы, рядом с чужой страной, откуда вероломно напал на нашу Родину враг и захватил их село. Немецкие танки с грохотом проносились в разные стороны, распахивая землю. Мотоциклисты подъезжали к домам, выгоняли всех живущих там на пустырь и, разделив на взрослых и детей, сажали по машинам.

Дима успел забежать в коровник и видел, как его маму гонят со всей толпой. Она, было, замедлила шаг, погляде-

ла по сторонам, видно, искала его, но, получив от офицера прикладом в бок, упала. Ее подняли и затолкали в кузов. Он понял, что если сейчас покажется перед немцами, его тоже схватят. Злость у него появилась на фрица, который ударил маму: «Куда же их повезут? – подумал он. – Вот был бы папа рядом, подсказал бы, что надо делать! Да только он далеко в Красной армии служит».

Машины увезли всех сельчан, в селе стало очень тихо. Ночью Дима хотел бежать, но неподалеку стояли двое часовых. Утром в коровник нагрянули немецкие солдаты, увидев его, они вместе с коровой вывели их во двор и громко захохотали, может оттого, что он, как Буренка, был весь в сене. Знакомый уже офицер пальцем поманил его к себе и стал ощупывать растопыренные карманы, потом замахал рукой, как бы приказывая: «Вытаскивай, что там у тебя?» Дима вывалил на землю булыжники.

Фрица, видно, они заинтересовали, и он позвал переводчика, чтобы тот перевел слова для мальчика.

– Для чего тебе эти камни?

– Играть на меткость! – ответил Дима.

– Так попади в курицу! – ухмыльнулся он.

– Да я могу попасть даже в древко вашего флага, – невозмутимо ответил Дима.

И он поднял камень, покрутил его, слегка подкинул, как бы взвесив, и резко метнул, точно попав в древко. Знамя со свастикой рухнуло на землю. Офицер бросился его подни-

мать. Укрепил, с надрывом что-то прокричал, вскинул автомат и пошел навстречу к Диме.

Дима вспомнил, как этот немец прикладом ударил маму, и подумал, что ему точно достанется еще хуже. Он с ненавистью вмиг схватил камень и что есть силы запустил во фрица, точно угодив в цель. Тот схватился обеими руками за глаз и упал. Дима опрометью бросился бежать. Раздалось щелканье оружейных затворов, последовали выстрелы. Он успел забежать за сарай, а там местность знакомая: кусты, лес, болото.

Всю ночь Дима шел, удаляясь от села, а утром повстречал идущий при полном боевом снаряжении отряд пограничников. Он рассказал им о бесчинствах немцев и как к ним скрытно подобраться. Его отправили в тыл, а позже он узнал, что та часть фашистов, что была в селе, уже уничтожена.

Вскоре Дима оказался на Урале в детском доме со многими своими ровесниками. Учился в общеобразовательной школе, а в свободное время показывал свое мастерство, как правильно кидать камень в цель, увлекая ребят этой игрой.

Через некоторое время в школе появились новые спортивные соревнования: бег, гимнастика, плавание, и успевающим, победителям в таких состязаниях, вручали значок с названием «Готов к труду и обороне». Учащиеся стали увлекаться этими занятиями и постепенно потеряли интерес к киданию камней.

Прошло два военных года. Дима не получил от мамы ни-

какой весточки. А папа его нашел и приехал. Его демобилизовали по ранению. Сын был так рад, что готов был находиться с отцом весь день. Но тот устроился на работу взрывником по добыче полезных ископаемых и всегда возвращался домой поздно. Дима много раз просил папу взять его с собой на работу. Но получал один и тот же ответ: «Подрасти, сынок, окрепни немного, труд очень тяжелый и условия сложные».

А он давно считал себя крепким. От занятий физкультурой Дима стал сильным, ловким, и учителя в школе поговаривали, если у него пойдет так и дальше, вручат ему значок ГТО. И однажды папа сказал:

– Сегодня большой пласт земли будем снимать. Покажу тебе мирный взрыв для благосостояния Родины. Увидишь, как богата наша земля-матушка.

На месте, куда отец привел сына, Дима увидел вдалеке множество ярких флажков, обрамляющих контуры подрыва земляного пласта. Оттуда тянулся бикфордов шнур до самого укрытия, где находились инженеры и рабочие. Папа убедился, что никого нет на опасном участке, и скомандовал:

– Можно начинать!

И только подожгли бикфордов шнур, как увидели, что с противоположной стороны от намеченного взрыва с горы стала спускаться геологическая экспедиция... Видно, с пути сбилась и направлялась прямо в запретную зону.

– И откуда они появились? – закричал отец. – Докладыва-

ли мне: все благополучно!

Обстановка осложнилась: до геологов не докричишься, а бикфордов шнур горит, к динамиту приближается.

Дима быстро вскочил, подобрал подходящий камень, ки-нул – и точно попал в фитиль, погасив его. Это произошло так быстро, что секунду стояла тишина... А потом все, кто стоял рядом с Димой, подхватили его и с радостным криком «Молодец!» стали подкидывать. А больше всех радовался папа, что его сын такой меткий и сообразительный.

С тех пор Дима получил прозвище, вернее звание «Чемпион по метанию булыжников».

После окончания войны мама Димы вернулась из фашистского лагеря. Жизнь продолжалась со своими радостями и заботами. А Дима мечтал в будущем заниматься, как и папа, мирными взрывами.

Гаврош

Войска фашистской Германии вероломно напали на Советский Союз.

Пограничники первыми вступили в бой с противником и с трудом сдерживали его вторжение из-за превосходства фашистов в живой силе и технике. Группа связи разведчиков то и дело докладывала в часть о продвижении врага, и полк менял дислокацию во избежание больших потерь, при этом нанося врагу неожиданные удары.

Однажды после очередного изматывающего дня, пройдя по болотам и через чащобы, связисты возвращались в часть. Решив перекусить, разложили под кустом паек: хлеб, тушенку. И тут вдруг в зарослях показалась маленькая чумазая голова пацаненка в большой кепке, закрывающей даже уши. Он вышел навстречу солдатам, худой, в рваной одежде, с огромными глазами, остановившимися на еде.

– Ну, что стоишь, малыш? Иди поешь! – первым сказал ефрейтор Степан.

Пацаненок сразу признал своих, сел посередине солдат и стал быстро поедать хлеб с тушенкой.

– Ты не торопись, – смеются солдаты, – это все твое.

Утолив голод, пацаненок продолжал сидеть посередине. Степан его спрашивает:

– Ну, теперь отвечай, откуда ты?

Он, не задумываясь, стал быстро говорить:

– Немцы, как вошли в село, взрослых и детей в разные стороны развели, забрали тятеньку, маманю и, тыча автоматами, куда-то погнали. Меня с ребятами стали сажать в вагоны. Я побежал. Немцы стреляли, вот, в кепку попали, – и он показал ее, простреленную насквозь. – Бежал долго и заблудился, чуть в болоте не утонул. Вас встретил, никуда отсюда не уйду! – выпалил он.

Солдаты задумались, лица их посуровели:

– Что будем делать с пацаном? – спросил всех Степан.

– Давай заберем его к себе, а там видно будет, – ответили ему.

В части доложили старшине о случившемся, он посмотрел на мальчугана, оглядел его с ног до головы, взъерошил грязные волосы и строго скомандовал (хотя у самого в глазах искорки радостно сверкали):

– Помыть его, переодеть, накормить и нехай живет. Будет всем сынко, наш Гаврош! А ты, Степан, раз привел его, так сшей ему форму.

С тех пор к мальчугану прилипло имя Гаврош.

Он оказался смекалистым, любознательным и скоро знал по имени всех солдат и старался разобраться в работе связиста. Ему это легко удавалось. Где бы часть ни находилась, он всегда был при старшине, помогал ему в деле. А Степан в свободное время сшил ему форму, одной иглой без швейной машинки, она получилась немножко нескладная, но была на-

стоящая, солдатская. Когда отделение стояло в шеренгу перед инструктажем, старшина сначала останавливался перед Гаврошем, поправлял ему гимнастерку и только тогда давал всем указания. Словно это был ритуал на счастье связистам, идущим в логово врага, который продвигался в глубь России.

Однажды старшина, принимая данные от разведки, то и дело хватал то одну, то другую трубку телефона и передавал донесения в полк. Тут быстро вошел майор и с ходу заявил:

– Я срочно еду в полк. Гаврошу тут оставаться опасно, надо переправить его подальше.

И, вытащив из планшета два пакета, отдал один старшине, другой положил обратно. Старшина, не отрываясь от аппаратов, обнял Гавроша одной рукой и с теплотой в голосе проговорил:

– Надо, сынок. Надо!

Мальчуган хотел было расплакаться, но сдержался. Майор посадил Гавроша в машину, дал полный газ, и они помчались, подпрыгивая на ямах и кочках. Только тут Гаврош дал волю слезам. Ему было обидно покидать друзей в самое тяжелое для них время.

Проехав километров шестьдесят, майор остановил машину и вышел зачем-то. Гаврош воспользовался моментом, открыл противоположную дверь и, пригнувшись, побежал к опушке леса. Скрываясь за деревьями, он видел, как майор бежал, окликал его, потом посмотрел на часы, сел в машину и рванул с места. Гаврош побежал назад по дороге, по ко-

торой только что проехал. Чем ближе к части, тем сильнее чувствовался запах гари. Слышались взрывы снарядов. Оказавшись еще ближе, увидел зарево горящих зданий. Ноги у него болели от не по размеру больших сапог.

Когда он пришел в часть, какой-то солдат, испачканный копотью до неузнаваемости, выносил связное оборудование. Старшина то нажимал на зуммер, то крутил вертушку аппарата и кричал в трубку:

– Звезда! Звезда! Отвечай!

При виде Гавроша он явно удивился, но у него не было времени даже что-то сказать, и он продолжал вызывать:

– Звезда, отвечай!

Гаврош посмотрел на уставшего старшину, на кабель, тянувшийся от телефонного аппарата куда-то в неизвестность, и пошел вдоль него, крадучись, словно маленький зверек: через заросли, через болота. Когда он был весь уже мокрый и в грязи, провод наконец-то привел его к возвышенности. Ползком, незаметно он взобрался на нее и увидел много ям от взорвавшихся бомб. В одной из них лежал ефрейтор. Гаврош бросился к нему.

– Степанька, вставай! – тормошил его Гаврош.

Степан шевелил губами, но слов не было слышно. Одна рука у него висела, как плеть, другая была привязана к вертушке телефонного аппарата, видно, сил у него не было даже прокрутить ее.

Тут стал нарастать лязг гусениц и шум моторов. Гаврош

выглянул из-за укрытия. По направлению к ним, словно полчище тараканов, ползла колонна танков, рядом шли вражеские солдаты, будто большой рой муравьев. Мотоциклисты с ревом приближались все ближе и ближе. Гаврош подумал, что там, за горой, никто не видит врага – ни солдаты-однополчане, ни старшина.

И он взялся крутить вертушку:

– Я Звезда! Я Звезда! – кричал он звонким ребячьим голосом.

В трубке раздалось:

– Слушаю тебя, Звезда. Ответьте, какая обстановка.

– Рядом со мной много всякой техники, живой силы не сосчитать сколько.

– Как ты там оказался, Гаврош? – кто-то спросил испуганно.

– Стреляйте! Стреляйте по ориентиру, где нахожусь. Они уже рядом!

На этом связь прервалась, в трубке принимающего связь послышался треск.

Когда орудия полка перестали стрелять по указанному месту нахождения врага, было уничтожено большое количество разной техники неприятеля. Враг бежал, преследуемый нашими бойцами.

Гавроша нашли присыпанным землей и накрытым телом Степана, видно он из последних сил спасал мальчугана. Гаврош лежал, как бугорок земли, без движения, крепко сжав

в руке телефонную трубку. Старшина поднял его, прижал к себе и побежал к транспортеру, ожидавшему их. Гаврош открыл глаза и тихо сказал:

– Тятя, я знал, что ты придешь первым.

Скоро Гаврош был представлен к ордену Славы с лентой – черно-оранжевой полосой, цвета доблести и славы, и ему было присвоено звание ефрейтора.

Сержанту Степану было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Гаврош прослужил в отделении связи у старшины до конца войны, до самой победы над врагом.

Демобилизовались они вместе.

Для старшины Гаврош навсегда остался сынок.

Крепко взявшись за руки

Капитана Волина выписали из госпиталя после ранения руки. Дали ему отпуск на месяц, чтобы отдохнул и кисть потренировал. Если движение не восстановится, не избежать ему увольнения из армии.

Он стоял в раздумье. «Куда ехать? Родители в эвакуации. Дома нет никого. Может, остаться при госпитале?» – размышлял он.

– Поехали ко мне, – предложил ему сослуживец майор Сечин. – Я в этих краях родился, тут и хата моя. На домашних харчах сил быстрее наберешься. Птичек слушаешь. Успокоишься. А за это время родителей разыщут, и в часть вернемся вместе.

Подумал Волин: «И правда, куда я с одной рукой?» – и согласился. Собрал форменную одежду, положил все в чемодан. Мундир на себе поправил. Фуражку надел зеленого цвета – цвета своей части и вышел во двор.

Возле госпиталя их уже ждала телега с унылой лошастью, в повозке сидела девушка, одетая по-мужски: в сапогах, брюках, телогрейке и нахлобученном до самых ушей картузе. Она бросилась к майору и расцеловала его.

Знакомься! – сказал Сечин Волину. – Моя сестра.

– Лена, – тихо отрекомендовала себя девушка, быстро села в телегу и всю дорогу до дома разговаривала с братом, из-

редка поглядывая на Волина.

В доме жизнь была спокойная. Сладкий запах хвои доносился из леса и приятно дурманил голову. Пели птицы, кудахтали куры – все это было странно видеть после шумного фронта. Майор Сечин каждый день что-то делал: колол дрова, чинил дом, забор, и везде ему помогала сестра в своей неизменной мужской одежде. Погода была сырая, грязь и огромные лужи были повсюду. Видно, ей было не до нарядов. Капитан наблюдал за их работой и хотел бы помочь, но кисть причиняла боль при любом движении.

– Поможешь, когда выздоровеешь, – говорил ему майор, а Лена делала вид, что его не замечает.

Обедали все вместе. Брат и сестра, помыв руки, не переодеваясь, перекусив, спешили опять трудиться.

Прошла неделя, как капитан прожил в этом местечке, но стал тяготиться, ему казалось, что он тут бездельник. И решил: «Уеду! А оставшиеся дни проведу в родительском доме».

– Спасибо за гостеприимство! – сказал он. – Отдохнул и хватит.

Майор уговаривал капитана не спешить с отъездом, но тот заявил, как отрезал: «Еду сегодня!»

Телега, скрипя, подъехала к крыльцу. На ней сидела молодая, красивая, в шерстяном платье, стройная, крепко сложенная девушка. Капитан не сразу опознал в ней Лену, а потом оторопел. Он сел в телегу и не оторвать от нее взгляда.

Ехали они долго, молча, он все смотрел на нее, а она ни разу не повернулась к нему лицом.

– Стой! – закричал Волин. – Поворачивай назад! Душа разрывается, не могу дальше ехать!

Она обернулась, и тут он увидел ее заплаканное лицо. Он понял, что нравится ей, да и она ему в душу запала. Капитан снял ее с телеги, не почувствовав даже боли в руке, взял за руку, и они не спеша пошли рядом. Телега скрипела позади них, но им казалось, что это радостная мелодия.

Прошло время, закончилась война, капитан стал генералом. И где бы он ни был с женой, они всегда шли вместе, крепко взявшись за руки.

Отличный пограничник

Это была цирковая династия: Лёня с папой и дедушка. Раньше они выступали, занимаясь джигитовкой на скачущих лошадях. Но папу забрали в армию, и дедушка перешел на дрессировку волчонка. Волчонок вырос большой, сильный, сообразительный, и назвали его Серый. Дедушка подогнал волку сбрую, будто он лошадь. Лёня садился верхом на него и махал саблей. Делая акробатические упражнения, он мчался по арене под ликование зрителей. Лёня был мал росточком, но физически развит. Ему шел седьмой год.

Самый главный номер у них был, когда дедушка с кожаным портфелем обходил зрителей и раздавал им листочки с буквами. А волк позже обходил посетителей, находил у них листочки и нес на арену, складывая в слова:

– Цирк начинается!

Зал рукоплескал, а дедушка из портфеля вынимал что-то вкусное и давал Серому в качестве вознаграждения. После этого Лёня верхом на волке уезжал, а дедушка, собрав все буквы в портфель, бежал за ними, догоняя своих партнеров.

Как-то дедушку и Лёню пригласили выступить с концертом в погранотряде недалеко от границы. Они уже не первый раз там выступали и радостно согласились. На их представление собрался полный зал: офицеры, солдаты и штатские. Зал дружно смеялся, увидев, что волк лошадью стал, и вос-

хищался лихим седоком – мальчиком, мчавшимся на нем по арене.

На следующий день с раннего утра дедушка, Лёня и Серый поехали на машине давать концерт в комендатуре. Проехав несколько километров, они услышали над собой гул и рев пролетающих самолетов. И первый снаряд, выпущенный с противоположной стороны границы, взорвался прямо рядом с машиной. Это началась Великая Отечественная война.

Машину перевернуло. От взрывной волны Лёня обо что-то ударился и потерял сознание. Он очнулся, когда кто-то стал его сильно трясти. Лёня открыл глаза. Солнце уже шло на закат. «Видно, я долго лежал без сознания», – подумал он и увидел рядом кованый сапог. Над ним стоял солдат в немецкой форме. Лёню подняли за воротник курточки и повели мимо хохочущих фрицев, мимо тарахтевших мотоциклов и военных, расквартированных уже по хатам. Его привели в просторный дом, за столом сидел человек в блестящих погонах.

«Наверно, это начальник, офицер», – решил Лёня.

А тот поставил на стол открытый портфель и спросил:

– Твой?

Лёня узнал свой портфель и поэтому ответил:

– Мой!

– Что за секрет в листочках с буквами? – задал вопрос офицер.

– Да это цирковой реквизит. Мы с дедушкой концерт да-

вали.

Начальника, видимо, Лёнины слова заинтересовали, и он спросил:

– А много зрителей было в зале? И что ты там видел?

«Так он по количеству людей хочет определить, сколько военных здесь!» – сообразил Лёня и ответил:

– Я на арену смотрел, мне было не до этого.

Тут Лёня получил затрещину и упал.

– Отвечай, когда спрашивают! – с надрывом закричал начальник, позвал солдата, что-то прочеканил ему по-немецки и вышел, а часовой остался.

Лёня вытер опухшую губу и задумался: «Что бы мне придумать? Как удрать отсюда? И где сейчас дедушка и Серый?»

Обычно, если Лёне нужен был волк, то он свистел ему и тот немедленно прибегал. Но сейчас опухшая губа не слушалась, он и хотел бы это сделать, но получалось одно гудение. Превозмогая боль, Лёня сложил губы и еще раз сильно дунул. Вначале свист получился слабенький, но затем звонче, и он повторил его еще раз. Часовой оглянулся. Тут дверь резко распахнулась, и в помещение влетел Серый волк. Был он страшен: огромный, шерсть взъерошенная, пасть раскрыта, язык висит до груди. Часовой как стоял, так и обмер. Лёня прыгнул на спину Серого, ухватил его за ошейник, и волк каким манером влетел, таким и вылетел – только их и видели.

Пришел начальник. Увидел: нет мальчика! Спрашивает: «Где он?» Часовой стоит, глаза вытаращил и бред несет: «Его

волок унес!» Сочли, что солдат умом тронулся.

А Серый с Леней уже мчались в отряд. Там их встретили. Волк где-то поранился, рана кровоточила, ее промыли, подлечили. Лёня же рассказал сколько видел вражеских фрицев, и даже нарисовал, где что находится.

В эту ночь пограничники отбили у врага хутор, дали время подойти нашим войскам ближе к границе. Но неприятель был силен.

Лёню и Серого решили отправить в тыл. Волк от еды отказался и все прислушивался к шуму надвигающейся канонады, а потом вдруг неожиданно исчез, и никто этого не заметил. Связисты даже позвонили в полк, предупредили: «Если увидите собаку или волка, не стреляйте!»

Только к вечеру Серый вернулся, и не один, а с портфелем в пасти, а позади него медленно брел дедушка. У волка сбоку было красное пятно, не то от старой раны, не то он выдержал очередной бой. Но самое важное – когда открыли портфель, там обнаружили карты наступления немцев.

Дедушка рассказал, что, когда его допрашивали, фриц-начальник отобрал портфель и приспособил его для своих дел, а потом неожиданно ворвался Серый и устроил целое сражение.

Солдаты слушали дедушку и с уважением поглядывали на волка. А начальник отряда похлопал по холке Серого и произнес:

– Герой! От имени всех однополчан за доставленные цен-

ные данные награждаем тебя знаком «Отличный пограничник» – и закрепил его на ошейнике Героя.

Дедушка тоже подошел к Серому, достал что-то из заветного портфеля и дал ему. Волк с удовольствием съел и попросил добавки.

На следующий день Лёня с дедушкой направились в тыл, чтобы дать там концерт.

Герой Серый до самой победы над врагом участвовал со своими верными друзьями в цирковых представлениях и гордо носил на ошейнике знак «Отличный пограничник».

Конек-горбунок

Ворон летел за голубем, хотел его клюнуть, но тот изловчился и сел во дворе возле конюшни. Оттуда вышел юноша лет пятнадцати, но не по возрасту одетый – в гимнастерке, брюках галифе, больших сапогах – и шугнул ворона. Тот, каркая, улетел, а голубь остался. Мальчик насыпал ему горсточку овса и заботливо сказал:

– И откуда ты взялся? Все птицы давно покинули деревню. Испугались шума доносившейся канонады. Набирайся сил и тоже улетай!

И правда, вдалеке раскатисто загромыhalo, казалось, что по всему горизонту идет и приближается страшная гроза. Это напала и надвигалась на Родину вражеская немецкая ар-мада.

Юноша вывел из конюшни лошадь: маленькую, приземистую, с большой блестящей, хорошо ухоженной гривой. Вся шерстка на ней смотрелась будто плюшевая. Была она уже в сбруе, с седлом, удилами и поводьями. Сбоку у нее висела в ножнах сабля и кнут из высушенной козьей ноги – у кавалеристов такой кнут считался шиком.

Из дома, стоящего рядом, выбежала женщина и кинулась к мальчику.

– Петя, я тебя не пущу. Отец ушел на фронт, ни одной весточки от него нет, и ты собираешься туда же. Не пущу!

Ты единственный помощник остался.

– Мама, – отвечает сын, – я тебе давно говорил. Тут недалеко кавалерийский эскадрон. Я еду туда, не возьмут меня – вернусь! А тебе сегодня надо уезжать. Придет машина, и тех, кто остался еще в деревне, отвезут в тыл.

Мать знала настойчивость сына, весь в отца, что задумает, уже не остановить. Она надеялась, что он вернется, обняла его, перекрестила.

Сын лихо прыгнул на лошадь, похлопал ее по холке и командовал:

– Пошла, Пулька!

Лошадь сразу поскакала, а он то и дело оглядывался, махая рукой матери.

Весь день Петя добирался до места назначения, шум канонады доносился все ближе и громче. Его останавливали патрули, заставляли разворачиваться обратно домой. Но он обходил их стороной и к вечеру оказался в кавалерийском эскадроне. Встретили его не так, как он ожидал. Недоброжелательно.

– Ты зачем, малец, сюда пожаловал? – сердито спросили его.

– Я хочу служить у вас в кавалерии, – не моргнув глазом, отчеканил он.

– На этом Коньке-Горбунке? – заулыбались военные.

Видно, их заинтересовал этот мальчик и его смешная лошадка, и они поинтересовались:

– А что ты умеешь делать, как боец?

– Все, чему научил меня папа-кавалерист! – ответил он.

– Ну, тогда сними вон ту фуражку, висящую на жерди.

– Это я могу, – заверил Петя. – Только пусть Пулька немного отдохнет.

И тут он вытащил из грудного кармана гимнастерки маленький кусочек сахара, который сейчас был для всех редкостью, взял лошадь за уздцы и отдал его ей. Она с наслаждением, закрыв глаза от удовольствия, захрустела.

Потом Петя выхватил саблю из ножен, прыгнул в седло, сел стройно, как кавалерист на параде, и высоко взмахнул саблей. Пулька, словно услышав его приказ, рванула с места галопом. Петя, не останавливаясь перед жердью, махнул саблей по фуражке, да так хорошо ее поддел, что она упала не поврежденной. Кавалеристы от удивления долго молчали, а потом разом заговорили:

– Ты молодец, и твой Конек-Горбунок тоже!

Тут подошел командир эскадрона и спросил:

– Как звать тебя, мальчик?

– Петя.

– Сколько лет тебе?

– Семнадцать.

– Паспорт покажи.

– У меня только метрика.

Прочитал командир документ, увидел в нем, что Пете только пятнадцать лет, улыбнулся и сказал:

– Кавалерист-то ты, я вижу, отменный, но мал еще, чтобы служить в армии. Подрости немного. Сейчас поешь и – спать. Коня твоего тоже накормим. А завтра с утра отправляйся домой.

Рассвет еще не наступил, когда раздался тревожный звук трубы, она трубила сбор: «По коням!» Весь эскадрон враз собрался на оседланных, встревоженных предчувствием боя конях.

Петя замешкался. Пока разбирался у Пульки с ремнями, удилами и поводьями, кавалеристы ускакали, и он помчался вслед за ними. Его заметили уже, когда они все, придерживая коней, стояли на краю лесной чащи. Командир подошел к Пете и строго приказал:

– Последним поедешь и так всегда держать! – а сам стал пристально разглядывать в бинокль незнакомый поселок.

Кавалеристы разделились на две группы, все рысцой, затем галопом помчались на поселок. В окна домов полетели гранаты, раздались взрывы, лязг сабель и хрип лошадей. Фрицы выбегали, но их настигали кавалеристы. Бой закончился так быстро, что враг не смог опомниться, и их кони не успели разбежаться.

Кавалеристы готовились возвращаться в полк, вдохновленные, что у них нет потерь. Пете с его лошадкой разрешили ехать впереди всей конницы. Только они тронулись в путь, как Пулька встала и не с места, уши у нее ходуном ходят, ноздри раздулись. Впереди, возле дороги, виднелось ка-

кое-то строение, не вызывавшее никаких подозрений.

– В чем дело? – спросил Петю ехавший рядом конник.

– Пулька что-то почувствовала, – говорит Петя.

Напарник улыбнулся, не поверил, но на всякий случай доложил командиру. Тот послал пеших разведчиков, чтобы они скрытно, незаметно все разузнали. Скоро строение разлетелось от мощного взрыва. Оказалось, кавалеристов там ждала вражеская засада пулеметчиков.

– Нас бы тут много полегло, не предупреди нас Конек-Горбунок... Наш малыш – молодец! – ласково хвалили его кавалеристы.

Кто-то дал Пульке кусочек сахара, от которого она не могла отказаться – это было ее любимое лакомство. Петя не удивлялся чутью своей лошади, она и раньше осторожно обходила все незнакомые места.

С тех пор Петю оставили в полку, стал он настоящим кавалеристом, на полном довольствии и в почете. Форму ему подогнали по размеру, и звать стали как взрослого – Петр, а лошадке пристало прозвище Горбунок.

Кавалерийский эскадрон продолжал громить врага, нагоня на него страх своей внезапностью. Фашисты же вели на них настойчивую охоту на мотоциклах с оружием, пытались догнать и уничтожить своим количеством.

Однажды, чтобы оторваться от неприятеля, нужно было пройти через поле необранного картофеля. Пулька неожиданно встала возле него и дальше не идет. Петя не стал

ее подгонять, догадался – зря она не заупрямится. Позвали конника, разбирающегося в минах. Опасение подтвердилось. Он провел весь эскадрон по одной безопасной тропе, и, лошадь за лошадью, они, счастливые, перешли через поле. Тут Горбунку достался уже не один кусочек сахара, а целая горсть. Он хрустел, и слюна от наслаждения капала у него изо рта.

Петр со сплоченными воинской дружбой кавалеристами участвовал во всех боях летом и осенью. Зима наступила неожиданно холодная, со студеным ветром. Снег шел, не переставая, и запорошил все на пути эскадрона. В этот момент их и окружили вражеские танки.

– Против танков саблями не повоюешь, – заявил командир, – надо выбиратья!

А куда, в какую сторону – везде фрицы. Лошади устали, по грудь в снегу – они даже не шли, а толкали своим телом плотный снег, с трудом пробивая путь.

«Хуже нет, чем неизвестность, когда не знаешь, куда идти», – думали кавалеристы.

– Товарищ командир, дайте Пульке самостоятельность! Она нас выручит! – предложил Петр.

Командир подумал: «Не первый раз спасает Горбунок, может, и на этот раз выручит».

Петя вытащил из нагрудного кармана остаток сахара и дал Пульке. Отпустил свободно поводья и похлопал лошадь по гриве. Петя никогда не стегал лошадь плеткой, она бы-

ла только для форса. Горбунок встрепенулся, зафыркал, развернулся и пошел в другую сторону. В начале пути снега было много, но чем выше кавалеристы поднимались за Горбунком, тем меньше его становилось, видно, ветром сдувало, даже местами появились кусты. Скоро весь эскадрон взобрался на возвышенность. Неожиданно с противоположной стороны показалась огромная колонна танков со звездами на броне, на которых находились солдаты в белой маскировочной форме и с автоматами наперевес.

Командир кавалеристов поднял высоко красное знамя, но тут раздался выстрел. Видно, целились в него, а попали в Горбунка, который стоял рядом и загородил командира.

Пулька упал вначале на передние ноги, потом на задние и рухнул на землю.

– Зарядить всем ружья и по кустам. Огонь! – разнеслось по эскадрону.

Как позже узнали, в кустах находился вражеский снайпер-корректировщик.

Петр наклонился над Горбунком. Его огромные глаза словно говорили: «Извини, друг, я не хотел тебя огорчать. Так получилось». Конь уткнулся головой Пете в грудь, где у того в кармане всегда был сахар.

Тут подошли кавалеристы, у кого остался сахар или песок от него, положили рядом – большая сладкая горка выросла возле рта Горбунка. В глазах его застыло молчаливое «Спасибо!»

Откуда-то появился ворон. Он громко и тревожно каркал с высоты.

Прошло какое-то время. Петю отправили учиться в военное училище на офицера и в дальнейшем служить в пограничной кавалерии, а эскадрон еще долго воевал, до самой Победы! За Родину, за Горбунка!

Кукольник

Шла изнурительная война с фашистской Германией.

Если выдавался маленький перерыв между боями, красноармейцы устраивали перекур, чтобы отдохнуть, отвлечься от сражения с ненавистным врагом.

Один солдат в отделении никогда не скручивал сигарку с табаком. Он всегда в это время что-то увлеченно мастерил, что-то вырезал из дерева небольшим перочинным ножом и изредка точил его на каменном оселке. Однополчане не обращали на него никакого внимания: «Ну, мастерит, значит, ему это нравится», и не мешали солдату трудиться.

Как-то он изготовил деревянного человечка. Сшил и надел на него военную форму, присоединил к нему ниточки и укрепил на них коромысло. Потом, держа его в руке, поднял, и человечек как бы не спеша встал и пошел вразвалочку, точно как старшина, даже лицом он был похож на него. Красноармейцы, увидев это, засмеялись, перестали курить и окружили кукольника. Было удивительно смотреть на старшину, воплощенного в куклу. А когда она вдруг заговорила его голосом, дружный хохот грянул в окопах и усталость как рукой сняло.

Кукла открывала рот и рассуждала:

– Я сегодня каждому бойцу за храбрость, за разгром противника дам по пять сосисок, если будет мало, свою отдам.

Мне не жалко. Только были бы вы все здоровы и сыты!

Старшина, увидев свой образ, схватился за живот, затрясся от смеха и то и дело повторял:

– Молодец, артист, всех развеселил. Молоде-ец!

С этого дня, если было свободное время, солдат-кукольник по просьбе однополчан давал представление. На него приходили посмотреть и из других подразделений, забыв даже о кураве.

Кукла забиралась на ящик из-под снарядов, чтобы ее все видели, и начинала свой концерт, прохаживаясь по деревянным дощечкам, стуча сапожками и разговаривая со зрителями:

– Вижу, вы хорошо мой приказ старшины исполняете. Пузо, как барабан, наели. Стали бравые молодцы и оружием владеете играючи. Фрицы со страху от вас бегут, только подковами сверкают, даже догнать их уже не можем. А догоним, последнему немцу подзатыльника дадим, чтоб не приходил больше! – и кукла с деревянным автоматом повернулась в сторону, откуда был слышен грохот канонады, и погрозила прикладом. Солдаты от восторга хлопали в ладоши громче, чем были выстрелы из винтовок.

Концерты давались от случая к случаю. Красноармейцы всегда спешили посмотреть их, иногда даже отложив на потом написание письма домой.

В один из дней кукольник находился на переднем бовом крае, вместе с однополчанами гнал неприятеля прочь из на-

шей страны. Неподалеку разорвался снаряд, и маленький металлический осколок, отлетевший от него, попал ему в грудь. Он упал. К нему подползла медсестра, хотела помочь, но это ей было не под силу – душа уже покинула его.

Прощаться с солдатом пришел весь полк. Старшина взял коромысло с веревочками, хотел поднять куклу, чтобы она в последний раз прошлась возле своего мастера, артиста и воина. Но она никак не хотела стоять на ногах и то и дело заваливалась то на один бок, то на другой и падала. Старшина положил ее рядом с кукольником. Прощальный выстрел из орудия разнесся громким эхом.

Вскоре враг был разгромлен.

На месте гибели воина-артиста был поставлен памятник «Солдат с Куклой».

Маленький солдат

Враг неожиданно напал на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война.

Стрелковой части выпало вести бой с превосходящим в военной технике противником, и приходилось то отступать, то наступать. Старшина то и дело принимал пополнение новобранцев. Вот и на этот раз к нему прибыло тринадцать солдат из разных родов войск, уже обученных военному делу. Все высокие, широкоплечие, как на подбор, и только один маленький, в лихо надвинутой на затылок пограничной фуражке.

Старшина познакомился со всеми, узнав имя, отчество и только последнего солдата долго разглядывал: «И зачем таких маленьких берут в армию? Ну ладно, сидел бы в засаде на границе, его там не видно, а тут винтовка в два раза выше его. Да он даже среди кирзовых сапог затеряется». А боец стоит и тоже со старшины глаз не сводит, даже не шевелится, винтовку крепко в руках держит – видно, сила в нем есть.

– Как фамилия? – спрашивает его старшина.

– Маленький! – отвечает солдат.

– Да я знаю, что ты маленький, как величать тебя?

– Так и величайте. У меня фамилия такая.

В строю засмеялись, и кто-то съехидничал:

– Он коротенький!

– Прекратить! – прервал насмешников старшина. – Всем сейчас на отдых, завтра будет тяжелый день.

Утро началось с далекой канонады, слышались глухие взрывы, казалось, земля зашевелилась. Бойцы расположились в подготовленном окопе. Приникли к брустверу и глядели вдаль, где был противник, но из-за серого тумана, надвигающегося волнами, ничего не было видно. По команде старшины солдат-знаменосец высоко поднял красное полотнище. Знамя в его руках даже не шелохнулось, словно предчувствовало, что главная его цель – впереди.

– В атаку, вперед! – разнеслось по окопам.

И тут со стороны врага застрочил пулемет, древко разнесло в щепки. Вражеский пулеметчик, видно, был классным специалистом по меткости и, казалось, насмеялся над всеми.

Чтобы не терять бойцов, старшина скомандовал: «Всем в окоп!» – и, схватив телефон, стал докладывать обстановку в штаб, чтобы данный объект врага не бомбили, под обстрел могут попасть свои.

– Дайте пять минут на обдумывание, – заявил он в трубку.

Маленький слышал весь разговор и, пока старшина продолжал что-то громко говорить, засунул знамя себе под гимнастерку, свернул ремнем несколько гранат, нахлобучил фуражку пограничника до самых глаз, перепрыгнул через бруствер и пополз.

Это случилось так быстро, что сослуживцы не успели ни-

чего ему сказать, а старшина увидел только подметки сапог удаляющегося Маленького и крикнул:

– Назад, боец! Назад!

Но он молчал и упрямо полз в сторону врага.

Туман уже рассеивался, все прильнули к брустверу, и старшина со всеми, не отрываясь, глядел на удаляющегося солдата. Маленький полз, и со стороны своих было видно, как он лихо прятался за камнями и в кустах, продвигаясь к цели.

Старшина то и дело от переживания тер висок, дал указание не шуметь, словно успокаивал неприятеля, что ни один солдат не пойдет в атаку.

Маленький уже близко подобрался к дзоту, из которого стрелял противник. Его заметили, и пули защелкали по валу-ну, за которым он успел спрятаться. Не останавливаясь, проявляя чудеса ловкости, он прыгал от валуна к бугру, словно заяц, и полз по земле, по траве, будто змей невидимый. Его даже враг потерял из виду, строчил из пулемета куда попало. Маленькому этого было достаточно, чтобы быстро оказаться там, где укрылся враг. Он бросил в амбразуру дзота связку гранат. Грянул мощный взрыв.

Когда черный дым рассеялся, все увидели Маленького с развевающимся красным знаменем в руках. И всем показалось, что он был похож на великана. Солдаты, воодушевленные героизмом однополчанина, словно связанные чем-то воедино, враз примкнули штыки к винтовкам и бросились в

атаку. Громкое «Ура» долго доносилось с разных сторон поля боя и замолкло лишь тогда, когда враг был разгромлен.

После боя старшина вызвал Маленького и сказал ему, словно прочеканил:

– За смелость и сноровку будешь награжден! А за невыполненный приказ «Назад!» – наряд вне очереди: двое суток чистить картошку у повара!

Маленький понял – старшина его пожалел: чистить картошку – это все равно, что получить увольнение на отдых.

Когда Маленький вернулся в часть, все солдаты почему-то больше не называли его по фамилии. А звали «Великан». А он был не против.

«Ёлки-палки»

Два года шла Великая Отечественная война.

В семье Николаевых отец, кадровый офицер, уже находился на фронте, а сына только сейчас забрали в армию. В начале службы он регулярно писал письма, когда учился в военной спецшколе, а потом неожиданно замолк и не подавал ни одной весточки о себе.

Николаев-отец, майор, служил политруком, и его часто посылали на передний край боевых действий. Вот и на этот раз он осматривал местность, где шел ожесточенный бой небольшого подразделения красноармейцев с превосходящим в живой силе противником. Связь с полком была нарушена, ее восстанавливали, но она постоянно прерывалась. Вокруг окопа белый снег смешался с серой землей, повсюду виднелись дымящиеся воронки от снарядов, земля дрожала, пули свистели, пахло горьким порохом. Порою грохот ненадолго затихал, и тогда солдаты располагались в укрытиях, закуривали махорку, дымя и немного успокаиваясь.

По плану майор уже должен был возвращаться в полк с донесением об увиденной обстановке. Проходя возле раненых, он заметил мечущуюся вокруг медсестру. На носилках рядом лежал штатский мужчина с забинтованной до самых бровей головой, опухший и без сознания.

– Что случилось? – спросил майор медсестру.

– Да вот, к нам только что принесли раненого, – и она на минутку замолкла, – его бы в лазарет отправить, да связи пока нет, а я здесь нужна, раненых очень много.

– Вот тебе и елки-палки! – воскликнул майор (была у него такая привычка еще на гражданке – при неожиданных обстоятельствах так высказываться) и продолжил: – Бежал-то, видно, штатский к нам не зря. Не дай Бог душа его покинет. Я сам доставлю его до полка. Мне как раз туда надо срочно возвращаться.

Он поправил форму, пистолет, накинул на себя белый маскировочный халат и, ухватив за ручку носилки, ползком потащил раненого в сторону своих. Ему бы только из этого простреливаемого пространства выбраться, а там повозка или машина доставит их до места назначения.

Снаряды неприятеля снова стали разрываться, долетая и до них. Поле с редкими деревьями все было изрыто воронками. Майор то и дело сползал с носилками то в одну, то в другую воронку, надеясь, что два раза снаряд не попадет в нее, и продолжал ползти, оставляя за собой глубокий след от носилок.

Вдруг между деревьев майор увидел группу фрицев. «Видно, эти диверсанты наткнулись на наш след», – рассудил он и, сняв с себя маскхалат, накрыл им раненого, чтобы тот был менее заметен на снегу. Сам встал возле одинокой березки и выстрелил. Немец упал, а вслед раздалась автоматная очередь. Березку разнесло в щепки.

В этот же момент со стороны тыла неожиданно появилось многочисленное,двигающееся вперед широким фронтом, молчаливое, но суровое советское воинство. Немцы без выстрела решили ретироваться.

– Вот тебе и елки-палки! – с облегчением громко сказал майор, вытирая ладонью мокрый лоб.

Мужчина на носилках, видно, очнулся, протянул ему руку и тихо проговорил:

– Папа, это ты?!

Майор замер. Он услышал родной голос, который ни с кем не перепутаешь. В сердце кольнуло, и он бросился к сыну, обнял свою близкую, дорогую кровинушку, повторяя одни и те же слова:

– Я, сынок! Я, твой отец!

Вдалеке на передовой раздавались громкие раскаты «ура!».

Вскоре грохот орудий замолк. Отец привез сына в лазарет. Позже он узнал, что его сын, солдат-разведчик, доставил в подразделение ценные данные о дислокации войск противника.

После этой встречи отец и сын Николаевы не виделись два года и встретились только после окончания войны на параде в День Победы над врагом.

Самолет

Получив карточки на хлеб, мама сказала:

– Сынок, папа у нас на фронте, теперь мы должны помогать друг другу. Ты большой, уже в первом классе, твоя обязанность: хорошо учиться, прибираться в доме и ходить за хлебом в магазин. Вот тебе хлебные карточки – твоя и моя. Не потеряй их! А я пошла на работу, приду утром.

– Хорошо, – ответил Вова, надел пальто и не спеша пошел в магазин.

Идет, карточки разглядывает: «Обычная бумажка, и что их мама так бережет?»

По дороге он увидел тетю, в руках у нее был красивый игрушечный самолет, с большими крыльями, с красными звездами и с легчиком внутри.

– Продаю! Продаю! – твердила она.

Вова уже видел такой самолет на фотографии с папой, но этот был как настоящий, с ним можно было играть. Вова стоял и не мог оторваться от него.

– Тетя, а сколько стоит самолет? – спросил он.

– Тебе, малыш, не по карману, – ответила она.

– А если я отдам за него хлебную карточку?

– Это другое дело!

Отдал Вова ей хлебную карточку и получил взамен самолет. На оставшуюся мамину взял хлеба и с покупками вер-

нулся домой. Потом схватил самолет и побежал во двор, чтобы показать его друзьям-приятелям. Ребята сбегались, всем захотелось поиграть с ним. Стали они бегать с самолетом по двору, по улице и громко жужжать:

– Ж-ж-ж-жиии!

Долго играли, пока не устали.

Мама пришла утром с ночной смены. Вова еще спал. На столе она увидела небольшой кусочек хлеба, а рядом самолет и сразу обо всем догадалась. Слезы накатились у нее на глаза: «Нам еще неделю жить до новых карточек, а как быть сейчас?»

Она взглянула на сладко спящего сына, взяла самолет, подержала его и снова поставила на стол. Вздохнула и медленно, словно не желая этого делать, положила его в сумку и вышла, чтобы продать и выручить немного денег.

Вова проснулся, кинулся к самолету, но его там не оказалось. Он все углы обшарил, в форточку выглянул: «Куда же он подевался?» Вдруг друзья прибежали, кричат наперебой:

– Вова, Вова! Твой самолет над домом кружится!

Выбежал Вова во двор и правда: самолет виражи делает, чуть крышу дома не задевает. Точно его самолет! Только размером больше – с большими крыльями, с красными звездами. Он им крыльями приветливо машет, а летчик улыбается, на папу похож. Полетал самолет, полетал и скрылся.

Вернулся Вова домой. Мама его встречает, улыбается, а на столе, как прежде, самолет стоит – тот самый игрушечный.

– Ты ко мне вернулся! – воскликнул Вова и радостно сказал: – Мама, я сегодня на этом самолете видел папу. Он мне рукой помахал.

Мама, ничего не сказав, нежно обняла сына и подумала: «До следующих карточек как-нибудь проживем».

История времен войны

Когда началась война с фашистской Германией, Валентина, девятилетняя девочка, осталась с матерью. Отец ушел добровольцем на фронт, хотя ему предлагали остаться в тылу, как руководителю крупного предприятия.

Жили они до войны в достатке. А тут в магазинах начались перебои с продуктами – уже с утра собирались огромные очереди, и не все могли отовариться. В стране ввели карточки – пайки на хлеб и другие продукты, но этого было недостаточно, чувствовался голод. Мать вынуждена была пойти работать на завод, где труженикам тыла давали дополнительные талоны на питание. Этот завод находился в Москве, а они с дочкой жили в пригороде, и ей приходилось вставать рано утром, чтобы успеть на поезд. Возвращалась она глубокой ночью.

Валентина училась в школе, там во всех классах не прекращались занятия. Только изменилась обстановка возле дома. На поле поставили зенитные орудия, которые то и дело громыхали, сотрясая бревенчатый дом, и разгоняли и уничтожали самолеты врага, прорывавшиеся к Москве.

С каждым годом жить становилось тяжелее. Валентина с матерью стали вскапывать во дворе землю, сажая картошку, и пилили засохшие деревья, заготавливая на зиму дрова. Делали они это вдвоем: уставшая мать и маленькая неокреп-

шая девочка, желавшая как-то угодить родительнице.

За несколько месяцев до окончания войны прибыл отец. Мать и дочь были счастливы и думали, что его демобилизовали навсегда и, наконец-то, им станет легче жить. Но оказалось, их морской полк перегоняют с дальневосточного фронта на запад в сухопутные войска, и командование дало ему возможность проведать близких. Он переночевал, а утром встал, обнял обеих, поцеловал и уехал.

От отца, как и раньше, они получали письма, даже чаще, чем когда он был на дальневосточном фронте.

Прошло девять месяцев. Мать, беременную, отправили в роддом. И в самый канун дня победы над врагом у них родился сын. В это время Родина ликовала: фашизм побежден. А в дом пришла повестка: явиться в военкомат.

Валентина пришла по вызову. Ей вручили предметы, оставшиеся от отца: планшет офицера, две фотографии – жены и дочери и незаконченное письмо: «Скоро буду с вами, мои ро...»

Несколько дней она не говорила матери о нагрянувшем горе. И только когда та привезла новорожденного домой, Валентина показала ей извещение о гибели отца. Мать охнула, присела на стул, обхватила голову руками и запричитала:

– Доченька, как же мы будем с тобой дальше жить? Дитя кормить надо. Дом разваливается. Тебе надо школу закончить, в институт поступить.

Валентина хотела успокоить маму, но горький спазм ско-

вал ее горло. А маленький братик громко плакал, будто тоже узнал, что отец погиб.

Сдав с отличием экзамены за девятый класс, девочке пришлось пойти работать на завод.

Подруга журавушка

Враг прорвался на территорию России. На границе шла ожесточенная окопная война. Бойцы отражали натиск неприятеля, и его наступление захлебывалось. Но он продолжал стрелять по ориентиру – высокому сухому дереву с большим журавлиным гнездом.

Сержант Журавлев (фамилия у него была такая) решил спилить дерево. Только подошел к нему, услышал не то стон, не то плач на макушке, где было гнездо. Он полез наверх и обнаружил в гнезде двух журавлей: один был мертв, видно, в него осколок снаряда попал или пуля угодила, а другой лежал на нем еще живой, очевидно, не хотел бросать погибшего друга. Был он обессилен и недвижим, наверно, уже много дней не ел и не пил. Птица даже не испугалась при виде человека. Он взял журавля и, держа его одной рукой, стал спускаться с дерева. Солдаты, оказавшиеся рядом, смеются: «Сержант Журавлев свою журавушку нашел». И правда, это была самочка.

Попросив однополчан спилить дерево, он пошел в окоп, нашел местечко, где слышимость взрывов во время боя была поменьше, расстелил на земле телогрейку и уложил журавушку. Она, по-прежнему, не сопротивлялась. Сержант дал ей из кружки попить. Она с жадностью стала хлебать воду большими глотками.

– А чем кормить-то будем? – спросил он окруживших его солдат. Те восприняли его слова серьезно.

– Можно давать ей то, что мы сами едим. Пусть на нашем довольствии будет.

И с этого дня каждый солдат приносил ей что-то вкусненькое из своего пайка, а то и из своей заначки. И удивительно – солидарная любовь солдат к журавушке подействовала. Она стала быстро поправляться, узнавала всех, кто к ней приходил, а особенно радовалась сержанту, даже если он еще был далеко от нее. Все говорили: «Наверно, узнает по звяканью медалей, что висят у него на гимнастерке».

Она ласково его встречала, тыча головой ему в лицо, в грудь и курлыкала. Солдаты смеялись: «Вот сержант себе подружку нашел!» – и сами радовались. Придут после боя в час затишья усталые, погладят ее, усталость враз исчезает. Казалось, все чувствовали, что веет от нее домашним уютом и теплом.

Однажды, когда журавушка оправилась, а полку предстояло идти вперед, в наступление, они решили ее отпустить. Сержант и солдаты попрощались с ней, вынесли ее на волю и подкинули. Она же, словно большой белоснежный голубь, разогналась и полетела, молча, словно обиделась, что ее никто не останавливает, улетая дальше от надвигающегося грохота канонады.

Прошло два года. Война еще шла, но врага уже гнали за пределами границы. На том месте, где когда-то шли бои, рас-

положился полк для отдыха и переформирования.

И тут на поле, где маршировали солдаты, села журавушка с двумя журавлятами. Казалось, она смотрела в лицо каждого проходившего солдата, то и дело что-то сообщая своим деткам, может, говорила: «Я не узнаю его, тут все с орденами и с одинаковыми закопченными лицами». Вместе с журавлятами она разбежалась и, громко курлыкая, они улетели, сделав круг над полем.

А по полю раздался радостный крик:

– Товарищ лейтенант! Журавлев! К вам только что прилетала журавушка!

Память на всю жизнь

Еще год оставался до окончания Великой Отечественной войны.

Капитан Сорин получил извещение о гибели отца, матери и сестры, попавших под бомбежку вражеской авиации. Он всегда был жизнерадостным человеком, но тут враз посуровел, стал малоразговорчив и старался лезть во время сражения в самое пекло, презирая пули неприятеля и оберегая жизнь доверенных ему солдат.

Обычно после изматывающего боя на привале солдаты, отдыхая, чтобы отвлечься от прошедшего страшного дня, рассказывали разные байки. Капитан ранее тоже приходил, но на этот раз он сидел у старшины Киренко, с которым служил с самого формирования полка, и молчал, обхватив голову обеими руками.

Старшина не оставлял друга в одиночестве и, как мог, старался его успокоить, но все утешения были напрасны. «Погубит себя капитан раньше времени, – беспокоился Киренко, – что-то надо мне придумать. Отвлечь его надо!»

В это время в полку многие солдаты переписывались с девушками и в свободное время смаковали каждую полученную из тыла весточку. Старшина тоже писал письма и с нетерпением ждал ответов от своей девушки. Она его вдохновляла, передавала ему дух далекой гражданской жизни, и

он порой задумывался о дальнейшей судьбе с ней.

И Киренко решил написать своей девушке все, что знал о судьбе Сорина: как послужит ему и что произошло с его семьей, а в заключение попросил ее написать капитану теплое письмо, как это может сделать только женское сердце.

Прошло время, и однажды на привале, как всегда, однополчане радостно встречали почтальона. Капитан смотрел на все это без участия и был удивлен, когда ему тоже вручили письмо. Он его повертел, прочел обратный адрес, быстро раскрыл, глаза его заходили по листочку то вверх, то вниз и так несколько раз, Сорин улыбнулся. Старшина первый раз с тех пор, как капитан получил известие о гибели родителей, увидел на его лице улыбку. А тот, выхватив из планшета листок бумаги, стал быстро писать, потом он сложил его треугольником и, указав свой адрес, отдал почтальону.

С тех пор капитан использовал любую возможность написать письмо или просто черкнуть несколько слов и так же часто получал ответы. А однажды ему пришла посылка с варежками и с шерстяными носками. «И откуда она узнала, что у меня отмороженные руки? – подумал он. – Наверно, это случайность». Он их и правда повредил еще в начале войны в холодную зиму.

Сорина было не узнать, от его угрюмости ничего не осталось, он, как и прежде, стал шутить с солдатам, они отвечали ему тем же. Его все уважали за храбрость и за отношение к однополчанам. Старшина видел, как изменился капитан, и

радовался за него, что тот немного оттаял. А сам стал реже писать знакомой девушке, а затем как-то на ее конверте написал «Адресат выбыл» и отправил обратно.

– У меня на хуторе невест много, – сказал он, – а у него одна. Нехай пишет!

Еще год оставался до конца войны. А она казалась вечно-стью!

Врага окончательно уничтожили в его логове в Берлине. Победу встречали салютами из орудий, винтовок и автоматов. Звук их удивительно изменился, стал каким-то праздничным. На серых, суровых, покрытых копотью лицах были слезы радости, но их никто не замечал. Дружба солдат стала крепкой. Хотя и были они разных национальностей, но все обнимались и с добром пожимали друг другу загрубевшие руки, вместе радуясь окончанию войны и торжеству солдатской верности. Крепкая дружба была и между Сориным – русским и Киренко – украинцем.

По окончании войны все получили ордена, медали, звания за храбрость, за защиту отечества. Капитан стал майором, а старшина – лейтенантом.

Поезд с демобилизованными солдатами и офицерами, заполнившими вагоны, отправился на родину. Разговоры только и было, чтобы не было больше войны и о предстоящей встрече с близкими и родными. Особые пожелания доставались тем, кто ехал к невестам. Смех стоял на весь вагон, и это не прошло мимо майора, который тоже поддерживал

это настроение.

Поезд, на котором ехал Сорин, проезжал без остановки мимо того полустанка, где жила девушка. Только с городского вокзала он мог обратно добраться до нее. Но поезд на полустанке неожиданно резко затормозил и остановился.

– Майор, тебя-то вон ждут! – смеясь, сказал лейтенант Киренко и показал на толпу встречающих людей с цветами.

Сорин выпрыгнул из вагона и побежал к ожидающим. Многие солдаты тоже выбежали, чтобы пополнить баки и фляги водой. От ожидающих отделилась девушка и побежала навстречу майору. Они обнялись. Букет гвоздик выпал из ее рук.

– Вот интуиция! – удивился Киренко. – Среди всех солдат определить своего, родного. Вот это любовь!

Поезд протяжно загудел. Солдаты вернулись в вагоны.

Майор все стоял, обнявшись с девушкой, усыпанный цветами. И тут на всю станцию раздалось громкое «Го-орь-ко-о!», из окна вагона вылетел вещмешок майора, а за ним еще два с продуктами. Поезд удалялся и громкое «Горько!» становилось все тише и тише.

Через год лейтенант Киренко получил письмо:

«Здравствуй друг! Спасибо, что познакомил меня с девушкой, с Катей. Ныне она моя жена. Я увидел у нее твою фотографию. Жена ее бережет. Спасибо тебе за встречу, устроенную на полустанке. Навеки буду помнить твою дружбу. У нас родился сын, назвали его, как тебя, Миколой. Приезжай,

будешь крестным».

Фотография

Похоронив мужа, вдова закрепила красную подушечку с его орденами под иконкой и поставила рядом на трельяж фотографию супруга – молодого солдата в гимнастерке. Горький ком подкатил к горлу, она готова была расплакаться. Села на стул и не отрываясь стала смотреть на портрет мужа, вздыхая и повторяя одни и те же слова:

– Как мало ты пожил, Коленька. Ушел от меня безвозвратно.

Ордена на подушечке сияли под ярким солнцем, огненный зайчик от них то и дело озарял лицо солдата, словно напоминая: «Вот он, победитель, герой, награжденный за мужество, за отвагу, за победу».

И только одна цветная планочка не блестела. Она висела на подушечке и не хотела вспоминать о прошедших годах войны. Она свидетельствовала, что у солдата было тяжелое ранение, от которого он так и не смог оправиться. Может, поэтому и не было у них детей. Но они с супругой никогда ни на что не жаловались, радовались завоеванной победе и счастливой жизни. А теперь вот она осталась без мужа. Наступило одиночество.

«Как я теперь буду без него?» – сокрушалась вдова.

Она долго смотрела на солнечного зайчика, бегающего по фотографии. Веки ее отяжелели, и она, прикрыв глаза, за-

дремала. Привиделось ей, что к ней бежит Коля и улыбается. Молодой, кудрявый, сильный, в светлом красивом костюме. Обнял ее и говорит: «Не волнуйся, Нюра, я буду тебя навещать».

Вдова очнулась, горький ком исчез. Она взглянула на фотографию мужа – и ей стало немного легче. И тут она заметила, что на иконке тоже появился солнечный зайчик.

Братья

Жили-были два брата. Один был старше на год, но это не мешало им дружить и быть неразлучными. В детский сад пошли они в один день, и в школу тоже – младший не хотел оставаться один, без брата.

Была у них с детства мечта: стать известными гимнастами, и они готовились к этому, занимались в спортивной секции, показывая хорошие результаты. После школы планировали поступить в институт физкультуры.

Но тут нагрянула Великая Отечественная война. Старшего брата в тот же день вызвали по повестке в военкомат, младший, как всегда, тоже пошел с ним.

Военная комиссия посмотрела на старшего – он был высок и крепок, затем взглянули на младшего – он выглядел мускулистым и не по возрасту развитым. И их обоих взяли на военные сборы.

Попрощавшись с матушкой (отец был уже на фронте), они вскоре оказались в воинской части. Во всем показывали успехи: стреляли отлично, спортивные упражнения делали безукоризненно. Только за одно ругал их старшина. Когда отделение состязалось в беге, то братья всегда держались рядом, хотя старший с его длинными ногами мог прибежать первым. Но за это старшина отыгрывался, когда вел взвод: старший стоял в первом ряду, а младший в последнем. Их

так и звали все: «Большой да Маленький».

Закончив военное учение, они отправились в самое пекло войны, где не хватало бойцов. На участке границы шел ожесточенный бой с переменным успехом – то пограничники захватят местность, то немцы. Бойцы, серые, чумадые от гари и пыли, уставшие, с впалыми глазами, невыспавшиеся, стояли насмерть.

– Вот и свежие силы прибыли, – встретил новичков капитан части.

Прибывшие спрыгнули с кузова автомобиля и стали перед ним в шеренгу.

– Скоро всем в бой. Готовьтесь к атаке! А ты, – указал он на Маленького, – пойдешь в разведку. Подберись поближе к немцам и разузнай обстановку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.